

УДК 913
Л. В. Шевцова

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ ПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО ПАРКА НА ТЕРРИТОРИИ ЕАО

В статье рассмотрены вопрос о возможности создания плейстоценового парка на территории ЕАО. Широко освещается опыт создания парков данного типа в различных странах. Представлен обзор животных, которые наполняют своим видовым разнообразием плейстоценовые парки в других регионах, а также сделан подбор более подходящих видов для ревайлдинга в условиях умеренно-муссонного климата. Приведена физико-географическая характеристика данной территории.

Ключевые слова: Плейстоценовый парк, экосистема, туризм, территория, видовой разнообразие.

Lyubov V. Shevcova
**ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF CREATING
PLEISTOCENE PARK ON THE TERRITORY OF JAR**
(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

The article discusses the possibility of creation of Pleistocene Park in the Jewish Autonomous Region. The review of the experience in creating this type of parks in different countries is made. The paper gives information about the animals appropriate for these parks, it gives the list of animals appropriate for the moderate and monsoon climate of the JAR. Geographic characteristics of this territory are also given.

Key words: Pleystotsenovoy park, ecosystem, tourism, territory, specific variety.

Фаунистические ресурсы занимают в рекреационном потенциале особое место. Должным образом организованный визуальный контакт с животными в естественной среде их обитания, как правило, окрашен яркими эмоциями, оставляет устойчивое впечатление, имеет большое познавательное значение. Именно поэтому всё большую популярность приобретают территории, где такой контакт возможен — национальные парки.

За последние десятилетия динамика их посещения туристами лишь нарастает. К примеру, если во второй половине XX века знаменитый Йеллоустон ежегодно посещало около 2 млн. человек, то в настоящее время эта цифра возросла почти наполовину. Соответственно, национальные парки играют всё более видную роль в «индустрии отдыха»; так, в ряде стран Африки, доходы от их посещения туристами прочно заняли первое место в формировании государственного внутреннего валового продукта.

Эти тенденции являются стимулом для поиска новых форм актуализации фаунистических ресурсов. Некоторые из них не лишены ори-

Шевцова Любовь Викторовна — аспирант, ассистент кафедры географии (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан), e-mail: kaf_geo@prgusa.ru

© Шевцова Л. В., 2012

гинальности, что, впрочем, не означает их химеричности. Одной из них является организация плейстоценовых парков¹.

Эта идея состоит в восстановлении на охраняемых территориях тех биоценозов, которые были свойственны им в эпоху последних оледенений и межледниковий. При этом копытные животные, по замыслу, становятся «конструкторами» реабилитации почвенного и растительного покрова, а хищники — регуляторами их численности. Вмешательство человека в естественные процессы здесь необходимо на начальных этапах: при проектировании видового состава обитателей парка, определении их допустимого поголовья, подсеивании необходимых растений, контроле за освоением хищниками, многие из которых родились в зоопарках, охотничьих навыков. Затем оно отходит на второй план, приобретая, как и на любых охраняемых территориях, функции наблюдения и регулирования.

В результате, парковые ландшафты переживают процесс ревайлдинга² — возвращения в своё естественное состояние, которое было свойственно им в плейстоцене, который в основном отличается от современной эпохи голоцена лишь отсутствием разрушительных последствий антропогенного воздействия³.

Анализ палеоботанических данных показывает, что современный растительный мир в видовом отношении полностью соответствует плейстоценовому. Фауна крупных животных, также, представляет собой сильно обеднённое, но прямое продолжение этой эпохи. Впрочем, за истекшие тысячелетия она понесла тяжёлые потери в отношении как общей биомассы, так и биоразнообразия. И хотя немало представителей животного мира плейстоцена существуют и поныне, их численность серьёзно подорвана, а биоценозы, в которых они обитали, либо трансформированы, либо (такие, как тундровая степь) исчезли вовсе.

На первый взгляд, это — веские аргументы, отрицающие возможность восстановления на отдельных участках Земли природной среды плейстоцена. Но опыт показал их несостоятельность.

Строго говоря, плейстоценовые биоценозы в ряде мест сохранились практически целиком и поныне — в национальных парках Восточной и Южной Африки, некоторых стран Азии (Казиранга в Индии, Комодо в Индонезии и ряд других). Но, эти объекты, почти не испытав за последние тысячелетия естественных изменений и избежав наиболее разрушительных последствий воздействия человека⁴, не требуют ревайлдинга. Т.о., их нельзя рассматривать в качестве плейстоценовых парков в том смысле, который в настоящее время вкладывается в это понятие. Кроме

¹ Плейстоцен — эпоха Четвертичного периода Кайнозойской эры, начавшаяся 2,5 млн. лет назад и закончившаяся 11,5 тыс. лет назад. Характеризуется попеременными ярко выраженными похолоданиями — потеплениями климата и расцветом фауны крупных млекопитающих.

² В буквальном переводе — *rewild* — «одичание».

³ Голоцен — эпоха Четвертичного периода Кайнозойской эры, начавшаяся 11,5 тыс. лет назад. По мнению многих учёных, является всего лишь современной межледниковой фазой продолжающегося плейстоцена и отделена от него условно — благодаря фактору появления и расцвета человеческой цивилизации.

⁴ Наличие такого воздействия на них отрицать нельзя. Но в сравнении с иными частями планеты оно оказалось здесь минимальным, и пока его удаётся здесь сдерживать.

того, их животный мир, не смотря на всю его экзотичность, в обывательском представлении воспринимается как исключительно современный.

Между тем, специфика плейстоценовых парков состоит не только в научном интересе, а именно – реализации возможности восстановления исчезнувших биоценозов. Они оказываются местами, особо притягательными для организации массового туризма. Посетителей здесь привлекает возможность совершения своеобразного «путешествия во времени» – увидеть древние ландшафты и их обитателей воочию. При этом видовой состав фауны парка может оказаться для туристов весьма неожиданным, поражающим их воображение своей «первобытностью».

Далеко не все представители плейстоценовой фауны могут предстать перед глазами людей живьём. С лица Земли исчезло множество недавних её обитателей, из которых наиболее известны мамонты, шерстистые носороги, ширококорогие олени, пещерные медведи. Это – лишь часть безвозвратных потерь, список которых весьма обширен¹. Но некоторые из них могут быть, при определённых условиях, замещены видами-«аналогами», способными выполнять их экологические и визуальные функции.

Старейший плейстоценовый парк был создан на острове Сир-Бани-Яс (Объединённые Арабские Эмираты) в 1971 г. За истекшие десятилетия в нём был восстановлен биоценоз сухих саван Аравии, которые были присущи ей 10–20 тысячелетий назад.

Ещё более успешен результат уникального эксперимента, проводимого с 1988 г. в Якутии, в низовьях Колымы. Здесь, вместо заболоченной тундры, удалось воссоздать участок сухих тундровых степей с характерным для них почти полным подбором фауны крупных млекопитающих².

В настоящее время ведётся работа по созданию плейстоценовых парков в Шотландии, Франции, Испании, Белоруссии, Украине, Азербайджане, Техасе. В России изучается возможность их открытия в Оренбургской, Орловской, Ростовской областях и Калмыкии. Основные проблемы во всех случаях видятся в охране животных от браконьеров и в интродукции крупных хищников. Но, как показал соответствующий опыт, они не являются непреодолимыми. Помощь научным и природоохранным организациям в их решении готовы оказывать фирмы, специализирующиеся на экологическом туризме, которые видят в этих реализации этих проектов весьма перспективные «поля» для расширения своей деятельности.

В нашей стране число мест, пригодных для претворения в жизнь плейстоценового ревайлдинга не ограничено ранее упомянутыми пунктами. Так, его осуществление представляется вполне реальным на юге Дальнего Востока, в Еврейской автономной области. При этом авторы имеют исчерпывающее представление о всех организационных и финансовых сложно-

¹ В настоящее время всё более популярной становится идея клонирования и, таким образом, возрождения вымерших плейстоценовых животных. Однако этот проект пока технологически не осуществим.

² В нём, разумеется, отсутствуют такие древние обитатели этой части Евразии, как мамонт и шерстистый носорог. Однако спектр остальных видов представлен достаточно широко и включает в себя северного оленя, лося, марала, бизона, зубра, овцебыка, яка, якутскую лошадь, волка, бурого медведя. В настоящее время подготавливается внедрение в сложившийся биоценоз популяций сайгаков, куланов, двугорбых верблюдов, львов и пятнистых гиен.

стях претворения данного проекта в жизнь. И поэтому предлагают лишь рассмотреть имеющиеся предпосылки его реализации в пределах ЕАО.

В конце плейстоцена большую часть Среднего Приамурья занимала тундровая степь с вкраплениями горных таёжных и смешанных лесов. Благодаря влиянию воздушных масс Тихого океана, температурный режим здесь был несколько мягче, чем в то же время на той же широте, что и в Европе. В результате, на данной территории сложился южный вариант так называемой «мамонтной фануны». Его формировали такие животные, как пещерный лев (*Panthera spelaea*), пещерная гиена (*Crocota spelaea*), волк (*Canis lupus*), сунгарийский мамонт (*Mammuthus sungari*), сибирский эламотерий (*Elasmotherium sibiricum*), локальный подвид лошади Пржевальского (*Equus przewalskii sungari*), кулан (*Equus hemionus*), верблюд Кноблеха (*Camelus snoblochii*), лось (*Alces alces*), сайгак (*Saiga borealis*), длиннорогий бизон (*Bison priscus*), азиатский тур (*Bos primigenius suxianensis*).

Наступившее в начале голоцена резкое потепление климата стало причиной сплошного распространения на равнинных территориях Среднего Приамурья влажных лугов. К условиям этой экосистемы смогли адаптироваться лишь очень немногие из перечисленных видов животных [9]. Большинство же из них вымерло; некоторые отступили за пределы региона, либо нашли убежище в его горнолесных массивах. Вслед за потеплением в Приамурье вернулись ранее обитавшие здесь представители теплолюбивой фауны, из которых «знаковыми» являлись тигр (*Panthera tigris*), леопард (*Panthera pardus*), гималайский медведь (*Selenarctos thibetanus*), пятнистый олень (*Cervus nippon*), горал (*Naemorhedus goral*).

Однако, около 8 тыс. лет назад, в бассейне Среднего Амура установился современный климат, характеризующийся неустойчивым равновесием между арктическими, умеренными континентальными и морскими тропическими воздушными массами¹. Этот своеобразный режим создал условия для сочетания на одной и той же территории богатой мозаики различных ландшафтов — от горной тайги до широколиственных лесов, от заболоченных пространств до лесостепи. При этом нельзя не заметить, что подобная климатическая неустойчивость способна обернуться преимуществом для преобладающего распространения какой-либо избранной ландшафтной формации — если воздействие какого-либо фактора даст ей определённые преимущества для доминирующего распространения. В Среднем Приамурье таким фактором стало антропогенное воздействие [7].

Со II тысячелетия до НЭ здесь широко расселились кочевые и оседлые животноводческие племена². По ряду оценок, на протяжении многих столетий, в регионе ежегодно выпасалось до полумиллиона голов лошадей и крупного рогатого скота [3]. Кроме того, аборигены практиковали ежегодные палы луговой растительности, выжигая кустарник и отмершие травы. Такая нагрузка вполне могла привести к разрушитель-

¹ Из-за этой очередной климатической перемены Приамурье вновь покинули некоторые теплолюбивые виды; к примеру — пятнистый олень.

² Монголоязычные шивэй и, позже — тунгусоязычные моха.

ным экологическим последствиям. Но в специфических условиях Среднего Приамурья её результаты оказались иными.

Многочисленные стада и регулярные выжигания стали источниками внесения в почвы крупных объёмов органики. Вдобавок, копыта домашних животных, уплотняли грунты. Эти процесс происходили на сохраняющемся фоне сезонного (летне-осеннего) атмосферного увлажнения территории, которое не позволяло развиваться опустыниванию. Сыграло свою роль и то, что в составе стад приамурских аборигенов традиционно отсутствовал мелкий рогатый скот, оказывающий, как известно, наиболее разрушительное воздействие на растительный покров¹.

В результате, примерно 3–4 тыс. лет назад, на обширной равнине Среднего Приамурья сформировались высокотравные лесостепи, получившие затем в научной литературе название «приамурских прерий»². Их широтная полоса протягивалась по левому берегу Амура вдоль мест его слияния с притоками Зея, Бурея, Биджан и Бира [5].

Возникнув в основном, благодаря антропогенному воздействию [6], «приамурские прерии» оказались весьма устойчивым и биопродуктивным ландшафтом. Крупный рогатый скот и лошади в течение многих столетий выполняли здесь функции массовых видов диких копытных, не позволяя территории подвергнуться заболачиванию, в то время как обильные сезонные осадки не позволяли их стадам уничтожать местный растительный покров на корню³. При этом не следует полагать, что ландшафт «прерий» Приамурья был заполнен лишь домашними животными. Обильная и разнообразная по своему составу фитомасса позволяла прокормиться большому поголовью кабанов, косуль, изюбрей, лосей. Отличительной чертой региона была высокая численность и видовое разнообразие крупных хищников — серых и красных волков, леопардов, тигров, которые в равной степени ориентировались на добывание как диких, так и домашних копытных.

Экологический феномен «приамурских прерий», вероятно, можно объяснить тем, что этот ландшафтный комплекс представлял собой, безусловно, далеко не полный, но достаточно близкий к оригиналу аналог ранее существовавшего на его месте южного варианта плейстоценовой тундростепи. Но способствовал их развитию антропогенная деятельность, стала затем причиной их деградации, которая шла в два этапа:

– в XVII в., в результате постигших Среднее Приамурье политических потрясений, здесь исчезли аборигенные стада, и началось его постепенное вторичное заболачивание;

– с середины XIX в. здесь началась массовая распашка земель с последующим распространением мелиоративных работ, которые оставили от итак сократившихся «прерий» лишь небольшие островные, постепенно исчезающие, участки.

¹ Козы и овцы на выпасе, в отличие от лошадей и крупного рогатого скота вырывают траву с корнем.

² За внешнюю аналогию с открытыми высокотравными ландшафтами Северной Америки.

³ Подобный пример имеется в настоящее время на Средне-Дунайской равнине, в венгерском национальном парке Хортобачь. Здесь, в схожих климатических условиях, многовековой выпас полудиких буйволов, быков и лошадей стал причиной сохранения эталонного участка первобытной европейской степи.

Тем не менее, сам факт их возникновения и длительного, вполне благополучного существования, заставляет задуматься о возможности осуществления в Приамурье возможности современного плейстоценового ревайлдинга.

Исходя из имеющихся ныне реалий, для осуществления этого проекта наиболее подходящей представляется территория двух южных районов ЕАО — Октябрьского и Ленинского.

В первую очередь, это утверждение основано на физико-географических и экологических условиях данной территории.

В основном её занимает аллювиальная Средне-Амурская равнина, которую с севера частично рассекают средневысотные (600—1 000 м) отроги хребта Малый Хинган и генетически связанные с ними останцы (Даур, Большие Чурки). Такой рельеф создаёт богатство ландшафтов и способствует естественному биоразнообразию.

Местная гидросеть хорошо развита и представлена многочисленными левыми притоками Амура — неглубокими, но круглогодично полноводными речками (Туловчиха, Союзовка, Самара, Добрая), из которых наиболее крупной (до 1242 км в равнинной части) является Биджан.

К сожалению, здесь наблюдается развитие процесса заболачивания земель, что связано с прекращением ведения сельского хозяйства и постепенным саморазрушением проложенных в 50—70-е годы XX в. мелиоративных систем. За последние 30 лет площадь болотных угодий в этой части Средне-Амурской равнины возросла на 10 % и продолжает увеличиваться.

Климат этой территории чётко разделён на два сезона. В зимний период преобладают сухие и холодные арктические и умеренно-континентальные воздушные массы. Температуры в это время стабильно держатся на отметке около -30°C ; снега выпадает мало — не более 600 мм. Погодные условия первой половины лета формируются континентальным воздухом — сухим, прогретым до $+35^{\circ}\text{C}$. Однако в июле на смену ему приходят тропические атмосферные потоки, тоже хорошо прогретые, но несущие с собой обильные, до 800 мм, осадки.

Рассмотренная совокупность природных условий является основой богатой мозаичности ландшафтов. Возвышенные формы рельефа в этом отношении более монотипичны; однако их покрывают отличающиеся высокой биопродуктивностью кедрово-широколиственные леса. На равнине ландшафтная картина более разнообразна.

Не менее чем на треть она занята заброшенными сельхозугодьями, экологический статус которых неясен. Популяции одичавших культурных растений (соя, кукуруза, ячмень, картофель) здесь непрерывно сокращаются, и будущее этих земель зависит от того, какого типа вторичные «дикие» ландшафты займут их в первую очередь. В настоящее время, из-за отсутствия эффекта вытаптывания дикими и домашними копытными, большая их часть обнаруживает тенденцию к переходу в состояние влажных лугов с последующим заболачиванием.

Вместе с тем, на водоразделе между реками Самара и Биджан имеются реликтовые остепнённые участки, которые возникли в результате известной деятельности аборигенов, и где выпас скота не прекращался во всё последующее затем время (XVII—XX вв.). Занятые ими площади невелики, и они нигде не образуют сплошного фона. Однако их наличие является важным свидетельством в пользу того, что приамурские «прерии», даже находясь в теперешнем своём угнетённом состоянии, вполне способны, при определённых условиях, к восстановлению.

Дополнительным флористическим фактором их реабилитации может служить широкое распространение на Средне-Амурской равнине монгольского дуба (*Quercus mongolica*). В течение длительного времени это экологически пластичное растение¹ считалось сорным, т.к. обладало способностью быстро заполнять собой места вырубок других деревьев. Но в сложившихся условиях отношение к нему, безусловно, следует поменять [13].

Монгольский дуб, как правило, обильно плодоносит, и его жёлуди являются важным компонентом в кормовом балансе копытных. Он нетребователен к почвам, в то же время, имея развитую корневую систему, способствует их скреплению; представляет собой одно из самых эффективных гумусообразующих растений и, к тому же, ветро- засухо- и влагоустойчив. Как правило, в местах его компактного произрастания процесс заболачивания не развивается и имеет тенденцию к сокращению. Кроме того, в них в настоящее время наблюдается повышенная концентрация диких копытных (кабан, косуля, лось).

Т. о., наряду с реликтовыми остепнёнными участками, рощи и заросли монгольского дуба вполне могут стать естественными «опорными очагами» плейстоценового ревайлдинга в ЕАО.

Если рассматривать предлагаемую здесь для возможной организации плейстоценового парка территорию с позиций социально-экономической среды, противопоказания для таковой обнаружить, при первом приближении, сложно. Зато позитивные моменты образуют достаточно обширный ряд.

Южная часть Октябрьского и Ленинского районов ЕАО в настоящее время практически заброшена населением, их земельный фонд большей частью не используются в хозяйственной деятельности. Т.о., ничьи экономические и правовые интересы в случае организации здесь плейстоценового парка затронуты не будут. Напротив, его организация, позволит создать определённое число рабочих мест — егерей, смотрителей, гидов, подсобных рабочих.

Нельзя не обратить внимание на выгодность положения парка с точки зрения организации в его пределах туристической деятельности. Предлагаемая к его созданию территория расположена практически на равном удалении от таких крупных городов, как Хабаровск и Благовещенск, жители которых традиционно испытывают повышенный инте-

¹ В зависимости от условий произрастания может образовывать две формы — древесную (высотой до 16 м) и кустарниковую.

рес к отдыху в естественных ландшафтах. Местом их промежуточной концентрации может служить административный центр ЕАО — Биробиджан, в пользу чего говорят следующие аргументы:

– он размещён на Транссибирской магистрали: время его достижения из Благовещенска — 10, а из Хабаровска — 2,5 часа. С другой стороны, время достижения из него территории предлагаемого к организации парка автотранспортом составляет 2 часа;

– в нынешнем своём состоянии Биробиджан готов для выполнения функций промежуточного туристического центра: в городе имеется разветвлённая сеть гостиниц, пунктов питания, объектов досуга, автотранспортных предприятий.

С другой стороны, плейстоценовый парк Приамурья может стать объектом международного туризма, перспективы которого целесообразно рассмотреть на примере двух наиболее крупных из соседствующих с российским Дальним Востоком стран — Китая и Японии.

За последние 10 лет приток китайских туристов в Россию ежегодно увеличивался на 4–5 % и в настоящее время достиг 800 тыс. человек в год. Из них 200 тыс. посетили в 2011 г. дальневосточный регион. Данные первого полугодия текущего года показывают дальнейший позитивный рост этой цифры [8; 10; 11].

Эти показатели в данном случае важны постольку, поскольку в Китае едва ли не в геометрической прогрессии нарастает интерес к экологическому туризму. Об этом свидетельствует устойчивый рост числа посетителей расположенных в самом Китае близ российской территории объектов, как Парк динозавров, национальные парки Санцзян и Чанбашань (провинции Хэйлунцзян и Гирин), Тигровый сафари-парк близ Харбина. На фоне этой тенденции плейстоценовый парк Приамурья, в силу неординарного характера своей привлекательности, может стать одним из наиболее посещаемых объектов туристами из Китая.

В отличие от неприветливых китайских туристов, японские предъявляют к условиям своего проживания и сервиса уровню организации экскурсий весьма высокие требования. А эти позиции в России в целом, и особенно — на её Дальнем Востоке, весьма далеки от международных стандартов. Достаточно заметить, что нашу страну ежегодно посещают лишь 0,25 % направляющихся за рубеж японских визитёров.

Однако отказываться от рассмотрения данного направления лишь в силу существующих реалий, не предпринимая усилий для их выправления было бы крайне недальновидно.

Японский турист, в среднем, тратит во время зарубежной поездки средств в 2,5 раза больше, чем визитёр из любой другой страны. Иными словами, он представляется наиболее предпочтительным с коммерческой точки зрения, и потому о его привлечении следует задуматься всерьёз.

Для 73 % отправляющихся в вояж за границу японцев побудительным мотивом является знакомство с дикой природой той или иной территории. По этой причине, их интерес к поездкам в Россию находится на одном уров-

не с поездками в Северную Америку, Африку и Австралию [12]. В этой связи, не смотря на скромную долю тех японских туристов, которые выбрали для своих зарубежных поездок нашу страну, она за последние годы возрасла почти втрое и показывает дальнейшую положительную динамику.

Последние данные указывают на смещение существующих в японском обществе познавательных интересов в область палеонтологического прошлого Земли. Обретя масштаб настоящей «палеомании», они стали причиной создания в стране многочисленных «динозавровых» и «мамонтных» парков¹, изысканиями в области клонирования вымерших видов животных. Поэтому с большой долей уверенности можно предполагать, что восстановление в непосредственной близости от Японии ландшафта плейстоценового периода с его обитателями, вызовет в этой стране соответствующий интерес.

Осветив вкратце природные и социально-экономические предпосылки создания Приамурского плейстоценового парка, рассмотрим возможность его «наполнения» теми представителями животного мира, которые, собственно, будут определять его и рекреационную привлекательность, и формировать экологическую устойчивость.

В первую очередь, заметим: некоторые виды плейстоценовой фауны к настоящему времени безвозвратно утрачены, и в современных условиях Приамурья их нельзя заменить видами-аналогами. Речь идёт о таких крупных и, безусловно, способных произвести впечатление существах, как Сунгарийский мамонт и сибирский эласмотерий². В парке они могут присутствовать лишь «опосредовано» — в виде муляжей и костных останков.

Это весомый отрицательный момент, изменить который невозможно³. Поэтому внимание должно быть сосредоточено на подборе тех зрелищно привлекательных животных, присутствием которых можно компенсировать данный недостаток. Их можно разделить на группы, внедрение которых на территорию парка различается определёнными «техническими» моментами.

Первую образуют те представители фауны, которые и ныне обитают на территории ЕАО: волк, бурый и гималайский медведи, рысь, кабан, косуля, изюбрь, лось. Безусловно, в расхожем представлении, эти виды не ассоциируются с «древностью»⁴. Но они — естественный компонент современной фауны Приамурья и, сами по себе, вполне зрелищны. Поэтому их следует воспринимать как обязательную составляющую парковой фауны.

Кроме того, им присуща экологическая пластичность, выработанная за долгие столетия выживания в условиях жёсткого антропогенного давления. В настоящее время в ЕАО их численность достаточно высока, настолько, что

¹ Где демонстрируются, разумеется, не живые экспонаты, а выполненные на высоком технологическом уровне муляжи животных.

² Сунгарийский мамонт являлся одним из крупнейших хоботных за всю историю их эволюции. Высота самцов в плечах достигала 5,2 м, вес — 12 т. У сибирского эласмотерия, который, также, являлся крупнейшим представителем носорогов, соответствующие параметры достигали 2,5 м и 5 т. Длина располагавшегося на лбу (а не на носу) рога могла достигать 1,5 м.

³ Широко обсуждаемая в популярных источниках идея клонирования этих животных практического выхода пока не имеет.

⁴ Что, с научной точки зрения, безусловно, неверно — все они в своё время являлись «полноправными» представителями плейстоценовых экосистем.

в области ведётся их лицензионный промысел¹. Поэтому со всей уверенностью можно предполагать, что именно эти виды достаточно быстро могут стать основой формирования обновляемых биоценозов парка.

Две другие группы можно условно назвать ревайлдинговыми, поскольку в них включены те виды, с которыми, собственно, и должен быть связан процесс придания Приамурскому парку облика, в основном соответствующего плейстоценовому биоценозу. Их общая проблема состоит в завозе и адаптации животных, которые ранее обитали на территории ЕАО, но последние несколько тысяч лет здесь отсутствуют.

Группу прямого ревайлдинга образуют животные, которые и сейчас сохранились за пределами Приамурья. Правда, современные условия региона подходят не для всех из них. Так, отсутствие «готовых» сухих пространств не позволит внедрить сюда сайгака и верблюда. Но, зато, нет видимых противопоказаний для вселения таких животных, как лошадь Пржевальского и кулан.

Если их специально не беспокоить, они легко мирятся с присутствием человека, и, вопреки распространённому мнению², без проблем обживают увлажнённые земли³. Они, как правило, привлекательны визуально и пользуются вниманием людей во всех местах своего обитания, разведения или содержания. Кроме того, свидетельством возможности возвращения диких непарнокопытных на территорию ЕАО служит обитание в Ленинском и Октябрьском районах устойчивых популяций одичавших лошадей.

Другую группу составляют виды замещающего ревайлдинга — те которые сохранившись до наших дней, имеют предельную генетическую близость со своими вымершими сородичами, и вполне способны принять на себя их экологическую роль.

Относительно подбора видов-аналогов копытных особых проблем не возникает. Так, длиннорогого бизона могут заместить лесные бизоны (*Bison bison athabascae*). На своей родине, в Канаде, эти дикие быки обитают в климатических условиях, идентичных таковым Приамурья. В настоящее время они акклиматизированы в Якутии — столь успешно, что дали несколько приплодов. Т. о. образом, этот вид показал высокую степень адаптации к природной среде Дальнего Востока.

Аналог азиатского тура представлен европейским туром, который был восстановлен в течение десятилетней кропотливой работы в зоопарке Хеллабурнн (Германия) путём скрещивая примитивных пород домашнего скота. Состоятельность этого эксперимента первоначально подвергалась критике; однако в настоящее время все связанные с ним сомнения отпали. Анатомия полученных животных, тело которых имеет мало общего с тяжеловесной конституцией домашних быков и коров, выработавшийся у них половозрастной диморфизм окраски⁴, обрётён-

¹ Исключая волка, отстрел которого разрешён без лицензии.

² Которые связывают их обитание исключительно с пустыней.

³ К примеру — парк Вобурн-Аббей в Великобритании или Чернобыльский радиационно-экологический заповедник.

⁴ Их самки и детёныши, как и у первобытных туров, окрашены в гнедой цвет; зрелые самцы — в чёрный.

ная ими способность жить исключительно за счёт подножного корма и переносить неблагоприятный климат — всё указывает на то, что считавшиеся истребленными туры возвращены к жизни.

Сейчас их стада поселены в заповедниках Германии, Великобритании, Швеции, где они уверено занимают экологические ниши своих предков. Поэтому вероятность их акклиматизации в Приамурье отрицать нельзя; тем более, что ради успеха адаптации, им может быть добавлен генетический материал полудиких монгольских или якутских быков. Полученные таким образом гибриды ничего не потеряют в своём «диком» экстерьере, но будут более подготовлены к привычкам к местным природным условиям.

Дикие лошади и быки, безусловно — визуально привлекательные животные, присутствие которых придаёт «первобытный» облик населённому ими ландшафту. Однако заполненный одними лишь копытными, он мало чем будет отличаться от обычного сафари-парка и, разумеется, не сможет состояться как сбалансированный, саморегулирующийся биоценоз. В нём необходимо присутствие свободно живущих хищников, и это, не только экологическая необходимость, но и один из главных формальных признаков плейстоценового парка.

На территории ЕАО в настоящее время обитает несколько видов крупных хищных животных. Но медведи и рыси более тяготеют здесь к горно-лесным участкам обитания. Т.е., визуально они труднодоступны для туристов. На равнине в настоящее время доминирующим хищником является волк, который быстро адаптируется к присутствию человека, обладает должной зрелищностью и является важным регулятором экосистем. Однако следует признать, что в современных условиях он является весьма противоречивым «персонажем» фауны охраняемых, предназначенных для посещения туристами территорий.

Вопреки утверждениям ряда экзальтированных защитников природы [4], волки, при определённых условиях, способны наносить существенный урон своим жертвам, нередко убивая больше, чем им требуется для прокормления и разгона стада. Поэтому на начальных этапах организации плейстоценового парка, пока завезённые копытные не адаптировались к местным условиям и не достигли достаточно высокого поголовья, численность этих хищников подлежит регулированию, а в дальнейшем — постоянному контролю. Кроме того, следует признать, что волки, равно как медведи и рыси, не являются для Дальнего Востока видами-экзотами и, как отмечалось, не ассоциируются с «первобытностью» ландшафтов. Очевидно, что эти роли должны выполнять иные плотоядные.

Акклиматизация крупных хищников всегда ставит проблемы обеспечения безопасности людей и достаточности кормовой базы. В этой связи предлагаемая к созданию Приамурского плейстоценового парка территория достаточно благоприятна. Она практически лишена населения, которое компактно сосредоточено в нескольких населённых пунктах. Кроме того, в данном случае следует использовать апробированную

технологии внедрения хищных животных в экосистему во вторую очередь — после того, как её освоили и заполнили копытные.

Но если внешних противопоказаний для внедрения крупных хищников в Приамурский парк нет, то встаёт вопрос об их видовом подборе. И если следовать логике реконструкции плейстоценового ландшафта, то в нём должны появиться львы и пятнистые гиены. Разумеется, что данное предложение представляется весьма дискуссионным, но в его пользу говорят многие моменты.

Безусловно, в качестве доминирующего хищника экосистем Дальнего Востока традиционно воспринимается амурский тигр, который, вдобавок, обладает великолепными визуальными качествами [2]. Но сейчас его популяция в Среднем Приамурье (и с российской, и с китайской стороны) исчезла. Кроме того, при всех его достоинствах, этот зверь ведёт одиночный скрытный образ жизни и склонен к обширным кочёвкам. Следовательно, он не выдерживает рекреационной конкуренции с оседло держащимися на открытых пространствах групповыми хищниками, которые, к тому же, спокойно мирятся с присутствием людей, если от них не исходит фактор беспокойства¹.

Как правило, львы и гиены рационально относятся к своим пищевым ресурсам. Кроме того, именно они смогут стать конкурентами и, следовательно — естественными регуляторами численности волков в парке. Наконец, санитарная роль гиен в экосистемах, как активных падальщиков, общеизвестна.

Нельзя не заострить внимания на том, что глубоким заблуждением является восприятие этих хищников как исключительно тропических животных. Во многих российских и зарубежных зоопарках (Москвы, Новосибирска, Стокгольма, Лейпцига, Лондона) уже по несколько десятков лет содержатся потомственные линии львов и гиен, которые круглогодично живут на открытом воздухе, и чувствуют себя настолько хорошо, что интенсивно размножаются²; в Великобритании и Дании имеются устойчивые полувольные львиные популяции, которые в течение более ста лет переносят зиму под открытым небом. Аналогичным опытом располагает и Тигровый парк в Харбине³.

Разумеется, что внедрение в природную среду Приамурья ныне не свойственных для неё животных неприемлемо во всех тех случаях, когда речь идёт о сохранении её современных ландшафтов и их диких обитателей. Но если конкретный уголок этого региона будет целевым образом избран для претворения в жизнь конкретной идеи о реконструкции его облика в плейстоцене, то следует вспомнить — пещерные львы и гиены обитали на берегах Амура всего несколько тысяч лет назад, являясь здесь главенствующими

¹ Допустимая дистанция приближения в автомобилях ко львам в национальных парках Африки составляет 8—10 м, к гиенам — 3 м. Но это, разумеется, не означает, что они безопасны. При визуальном контакте с этими хищниками на любой дистанции покидать машину категорически запрещается. На минимальном расстоянии их обозрения, по инструкции, двери автомобилей должны быть закрыты, стёкла — подняты, мотор — включён.

² В Новосибирском зоопарке львы живут в открытом вольере с 1968 г., спокойно перенося морозы до –49 С; при этом их потомство за эти годы составило 60 львят.

³ В ближайшее время начнётся реализация проекта внедрения львов, пятнистых гиен и гепардов в Якутский плейстоценовый парк.

хищниками. Современные виды львов и гиен не только их ближайшие сородичи, но и полные аналоги в экологическом отношении. Следовательно, без них в реализации данного проекта обойтись невозможно.

Нет сомнений в том, что создание плейстоценового парка — трудоёмкий процесс. И затруднения состоят не только, и, даже, не столько, в неизбежных проблемах организационного и финансового порядков. Из уже имеющегося опыта известно, сколь кропотливый труд представляет собой система мероприятий по постепенной адаптации к местным условиям ввозимых животных и формирование из них жизнестойкой экосистемы, мониторинга изменения копытными состояния растительного и почвенного покрова, поэтапного восстановления охотничьих навыков у хищников [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамсон Дж.* Рождённая свободной. М.: АСТ, 2002. 524 с.
2. *Владыка джунглей* / Под ред. А.А. Слудского. Алма-Ата: Наука, 1966. 382 с.
3. *Дервянко Е.И.* Племена Приамурья. Первое тысячелетие нашей эры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.
4. *Моуэт Ф.* Не кричи: «Волки!». М.: Армада-Пресс, 2001. 382 с.
5. *Морозов В.Л.* Феномен природы — крупнотравье. М.: Наука, 1994. 228 с.
6. *Рянский Ф.Н.* И экология, и экономика. Благовещенск: изд. Амурского отделения ХКИ, 1990. 158 с.
7. *Шведов В.Г., Вольтчук А.Б.* Территориальные особенности абортинного освоения бассейна Амура в верхнем неолите // География и природные ресурсы. 2006. № 3. С. 118—125.
8. В России всё больше китайских туристов, новости 22 июня 2012. [Электронный ресурс] // Путешествия@mail.ru: сайт. URL: [travel/mail.ru/news/63889](http://travel@mail.ru/news/63889)
9. *Калякин В.Н.* О тайнах былого распространения стеллеровой коровы // Природа. 2002. № 6. С. 6—12.
10. Китайские туристы в России: 2012 год объявлен годом китайского туризма в России и российского туризма в Китае, новости 27.09.2011. [Электронный ресурс] // DV-Reclama.ru: Дальневосточный информационно-рекламный портал. URL: <http://dv-reclama.ru>dvbusiness/art/detal.php>
11. Китайские туристы открывают для себя Россию [Электронный ресурс] // Телеканал RTG TV: Новости 30 марта 2012: сайт. URL: <http://rtgtv.ru/news/425/>
12. Морозов М.А. Маркетинг в России и за рубежом. Маркетинговый анализ развития зарубежного туризма Японии [Электронный ресурс] // HR-Portal. Сообщество HR-Менеджеров: сайт, 2004—2012. URL: http://www.hr-portal.ru/article/marketing-v-rossii-i-za-rubezhom-marketingovyi-analiz-razvitiya-zarubezhnogo-turizma-yaponii?quicktabs_6=0
13. *Черкасов Г.А.* Твердолиственные породы Амурской области [Электронный ресурс] // «Библиофонд» — Электронная библиотека: статей, учебной и художественной литературы, 2003—2009. URL: <http://BiblioFond.ru>view.aspx?id=432584>.

* * *